

— Сидит у танка, — произнес тощий высокий танкист.

— Цзян Е, в одном отделении с Су Цинем, механик-водитель.

Сидевший рядом со мной танкист тоже ответил:

— Гражданский товарищ, сколько дней ты удерживаешь эту позицию? — спросил майор, упаковывая оружие.

— Должно быть, дня три.

Я ответил небрежно, сидя на земле и задрав голову, наблюдая, как новоприбывшие бойцы собирают пусковую установку противотанковых ракет.

— Выпей воды, здесь есть галеты. Меня зовут Цзян Лэй, будь добр, проводи потом этих снайперов, помоги им освоиться на позиции.

Боец за рацией протянул мне флягу и галеты, его глаза ярко блестели в темноте.

Вода!

Есть вода!

Я торопливо взял флягу и жадно припал к ней.

Спустя мгновение я глубоко вздохнул, вернул флягу Цзян Лэю и принялся внимательно разглядывать новых товарищей.

Юные лица, чуть застенчивые взгляды, на губах — едва заметный пушок.

Эх! Снова новобранцы на убой.

Каждый день я видел, как такие новички шли на поле боя, а потом их уносили на носилках или в мешках для трупов, или они просто «испарялись» на позициях. Интересно, хватит ли у этого парня удачи дожить до завтрашнего рассвета?

— Продержимся до трех часов ночи, а затем отсюда уйдем в горы, нас прикроют войска радиоэлектронной борьбы. Городские подразделения уже начали действовать сегодня вечером, позиции зенитных ракет сейчас эвакуируются. Мы соединимся с основными силами в горах и перегруппируемся. Запомните, мы обязаны продержаться до трех часов ночи, — обратился ко всем Ли Вэй.

В строю раздался разрозненный и глухой гул одобрения.

— В горы? Сколько войск осталось в горах? Зачем мы прорываемся? Есть ли у нас вообще шанс прорваться?

Я воспрянул духом и выпалил подряд несколько вопросов.

Снова никто мне не ответил, все солдаты опустили головы и были заняты своими делами.

— Уличными боями займутся другие подразделения. Мы отступим с позиции 2416 по плану после выполнения задачи, — добавил майор.

С чего это вдруг планы изменились в сторону отхода в горную область? Полноте, только и твердят нелепые лозунги, чтобы усыпить собственную бдительность.

Сегодняшний вечер выдался просто чертовски паршивым!

Я злобно глянул на этих новоприбывших солдат.

Наша главная линия фронта уже сместилась на триста километров на запад, какая уж тут дорога назад!

Всего полгода назад никто и помыслить не мог, что враг осмелится развязать войну против Китая, да еще и ударить вдоль Янцзы прямо в самое сердце страны.

Мы просчитались в стратегической решимости американо-японского блока! И недооценили логистические возможности противника, особенно те самые миллионы тонн скоростных морских транспортных флотилий и гигантские парки экранопланов, недавно введенные в строй.

Противник отвлек внимание нашей армии сосредоточением сил на севере и востоке, в то время как их южная ударная группировка совершенно неожиданно нанесла яростный удар из провинции Гуандун.

В начале войны наши восточные и южные прибрежные районы подверглись жесточайшим ударам. В результате совместной внезапной атаки Тихоокеанского флота США и японского флота наш Флот трех морей понес тяжелейшие потери, а наши драгоценные элитные силы стратегической мобильной авиации также были серьезно ослаблены. Вскоре после этого враг стремительно высадился в Шанхае и Гуанчжоу, развернув против Китая клещевое наступление.

К югу от Янцзы пылал огонь войны; я собирался на заработки в Шэньчжэнь, но с самого

Праздника весны был вынужден торчать здесь. Однако я никак не ожидал оказаться именно в этом месте, где придется изо дня в день лицом к лицу сталкиваться со смертью!

Перед тем как занять позицию, я узнал от военных, что соединения северного направления наступают в сторону Шанхая, а японская армия остановила свое продвижение. Основные силы контратаки перемололи потерявший боеспособность японский дивизион. Базировавшаяся на севере прибрежной полосы вражеская авиация одновременно подверглась суровому удару со стороны Северного фронта.

Если врагу не взять нас, его западные линии снабжения навек останутся заблокированными, а восточная и западная группировки не смогут поддерживать друг друга. Некоторое время назад дислоцированные в городе зенитно-ракетные комплексы средней и большой дальности сбили огромное количество вражеских самолетов боевой поддержки; хотя передовые отряды противника на западном направлении уже обогнали нас и углубились на триста километров, из-за нехватки воздушной поддержки они постепенно выдыхаются.

— Западная группировка после перегруппировки непременно нанесет по врагу массированный контрудар. Уж слишком они заносчивы.

Так объяснял мне старик Лэй.

— Что, боец-гражданский, хочешь прорваться за реку на север?

Косившийся на меня крепкий боец, у которого из-за разорванного рукава одно плечо было обнажено, скалясь и ухмыляясь, бросил эту фразу. На спине у него висела противотанковая ракетная установка, а в уголках рта торчала незажженная сигарета.

— Да. Могу обнять тебя и перетащить, — раздраженно бросил я, жуя галеты. У этого парня щетина клочьями, но при этом дурацкая короткая прическа на пробор — вид совершенно несерьезный.

— Враг скоро выступает, все к бою, — негромко крикнул нам майор.

Все засуетились, собирая вещи, и гуськом нырнули входы в окопы.

Засунув недоеденную галеты в карман и согнувшись в три погибели перед тем, как последним зайти в укрытие, я оглянулся и увидел, как два танкиста ловко нырнули в танк и захлопнули верхний люк.

Два отличных танкиста. Они держались на позиции уже целую неделю!

Наш танк тип 59 обладал системой коллективной защиты, но для отражения атак вражеских термобарических боеприпасов в него добавили аккумуляторы. Это позволяло обеспечивать

защиту без запуска основного и вспомогательного двигателей, иначе двигатели глохли бы от нехватки кислорода, и находившиеся внутри солдаты не смогли бы выжить. Су Цинь и остальные обычно прятались в укрытия до того, как враг применял термобарические бомбы, поэтому им удавалось выживать. Две другие машины танкового взвода были уничтожены врагом во время утренней контратаки на рассвете.

Ночное наступление гунцзы наконец-то началось: запевалами традиционно выступили многоствольные реактивные системы залпового огня M270, устроившие несколько минут беглого огня — похоже, ничего новенького у врага на этот раз не нашлось.

Воздух наполнился пронзительным, зловещим свистом, напоминающим полуночные завывания призраков из фильмов ужасов.

Так резали атмосферу реактивные снаряды РСЗО M270.

Когда траектории ракет пересекли ночное небо, опускаясь и падая на наши позиции, мы с бойцами уже отошли далеко вглубь туннеля.

Пройдя по подземному туннелю несколько минут, мы оказались на передовом подземном наблюдательном пункте. Ли Вэй некоторое время понаблюдал в перископ наружу, а затем быстро и громко отдал приказание новоприбывшим бойцам.

— Вы воевали на восточном фронте много дней и должны знать нрав гунцзы. Надо полагать, враг снова применит старую тактику: впереди идут танки, в трех-четырёхстах метрах позади — боевые машины пехоты, а за ними — вражеская пехота. Замыкают порядок штурмовики и боевые вертолеты противника.

Расчеты автоматических гранатометов, обратите внимание на координацию с противотанкистами: одни подавляют вражескую пехоту, другие бьют по хвостам вражеских танков.

Противотанковистам действовать быстро, чтобы не быть обнаруженными и уничтоженными боевыми машин пехоты и авиацией.

Стоит подбить хотя бы один танк, как враг погрузится в хаос. Боевые порядки наземного наступления противника разношерстны: людей на поверхности много, а слаженности не хватает. Особенно у пехотных подразделений, укомплектованных солдатами из других стран — им недостает взаимодействия с современными бронетанковыми силами.

Большой Ли, Цзян Лэй, следите за постоянной связью с передовым командным пунктом, берегите рацию!

— Есть! — отчеканил стоявший позади меня Цзян Лэй, за спиной которого висела

радиостанция.

В тусклом свете я заметил, что у бойца рядом с ним в руках была какая-то штуковина, похожая на дальномер для угловых измерений.

— Вэй Бэйхуэй, ты знаком с туннелями позиции? Отлично, проведи снайперов по ходам сообщения. Они сами выберут себе сектора для работы.

Я откликнулся и тут же повел снайперов осваивать местность по лабиринту туннелей.

Мы удерживали позицию с лучшей защитой в радиусе трех километров; рельеф здесь был открытым, и это место всегда оставалось главной целью для прорыва противника. В тыльной части туннелей имелось несколько просторных участков длиной метров по пятьдесят-шестьдесят, специально укрепленных так, чтобы там могла маневрировать и прятаться бронетехника. Раньше здесь располагалась подземная позиция 152-мм буксируемых гаубиц, но после расширения подземные ходы запутались паутиной, и теперь можно было использовать уже три яруса туннелей — верхний, средний и нижний, причем сердцевина системы неоднократно укреплялась саперами. Вход, через который мы только что ворвались внутрь, находился в цехе заброшенного старого завода. Предприятие эпохи Третьей линии семидесятых годов оказалось на редкость прочным и не рухнуло полностью даже под непрерывными вражескими бомбежками.

Метрах в ста перед зданием завода, глубоко под землей, находился склад 152-мм артиллерийских снарядов. Мы со стариком Лэем забредали туда вчера до полудня в поисках направленных мин: внутри оставалось еще около двух тысяч штук, и все без взрывателей. Авиабомбы врага и 155-мм тяжелая артиллерия исковыряли это место воронками, но самая глубокая из них находилась в трех метрах от хранилища. Пока туда не влетит напрямую вражеский бетонобойный снаряд, склад не разрушится.

Прошлой ночью старик Лэй подумывал о том, что если удержать позицию не удастся, то можно ввинтить в снаряды контактные взрыватели и взлететь вместе с вражескими танками на воздух. К счастью, наши тяжелые орудия вовремя открыли заградительный огонь, иначе мы давно бы погибли вместе с врагами.

Когда я только поднялся на позицию три дня назад, я ни на шаг не отходил от старика Лэя, петляя по туннелям. Мы то стремительно закладывали на путях вероятного отхода врага датчики движения прямо перед передовой, то обрушивали шквальный огонь с флангов на вражескую пехоту и огнеметчиков, заставляя танки и БМП противника разворачиваться на подавление. Это обнажало их уязвимую бортовую и кормовую броню под прямой огонь противотанковистиков и танков тип 59.

За эти три дня мы исходили все ходы — верхние и нижние, левые и правые — столько раз, что теперь могли бы передвигаться с закрытыми глазами.

Как только последний снайпер скрылся из виду, я торопливо вернулся на наблюдательный

пункт.

Проходя по среднему туннелю, я увидел, как Ли Вэй руководит несколькими бойцами, укладывающими 107-мм реактивные снаряды прямо в проходе лицом к выходу из укрытия в сторону врага.

— Зачем вы их расставляете? Пушек-то нет, не пугать же ими врага? — с удивлением спросил я.

— Скоро узнаешь, — тугодумно бросил один из бойцов.

Руки и ноги у него работали на удивление ловко: он быстро и умело соединял полевым телефонным кабелем найденные в туннеле армейские аккумуляторы с реактивными снарядами.

У меня не было времени вникать в их дела, и я в одиночку вернулся на наблюдательный пункт, припав к окуляру перископа вглядываясь в позиции противника.

Исходный район механизированных сил врага находился примерно в пяти километрах от нас и прятался в полевых укрытиях, наспех вырытых инженерной техникой.

Похоже, этой ночью эти сукины сыны стали куда осторожнее.

Мрак этой ночи стал еще гуще, луны не было, и в помине не видать звезд.

Днем стояла удушливая духота, а снаружи, судя по всему, поднялся ветер — пахнувший гарью воздух принес с собой тяжелый сырой дух.

Свежая красная глина, взрытая взрывами в том месте, где я припал к земле, источала густой, влажный аромат.

— Сегодня ночью будет сильный ливняк, — пробормотал я про себя.

На юге как раз начался сезон сливных дождей — мейюй, через пару дней осадков станет еще больше. Янцзы тоже вступила в пору половодья.

Скорее бы дождь, глядишь, и враг наступать перестанет.

Мысли мои текли сумбурно.

Ночь почти безраздельно принадлежала врагу: приборы ночного видения на вооружении

нашей армии отличались отсталыми характеристиками, и на задымленном поле боя мы обнаруживали цели лишь тогда, когда враг подбирался почти вплотную к позициям.

Солдаты всей душой желали, чтобы бои шли днем — по крайней мере, тогда все в равных условиях.

Расставив только что выданные генераторы дыма, я вытащил из расщелины в стене глубоко в туннеле две драгоценные противотанковые мины с датчиками движения. Мины были сплошь испачканы кровью; к одной из них я уже примотал телефонным проводом метров семь-восемь буксировочного конца и засунул в плетеную сумку. Я нашел их в полдень в окопе рядом с телом погибшего товарища. Едва начался дневной бой, как меня контузило, и применить их я не успел.

Достав из ящика с боеприпасами в углу несколько рожков для автомата типа 56, я наспех проверил оружие и рассовал их по карманам разгрузки. Гранаты брать не стал — только лишний груз, мешающий маневренности.

Боеприпасов оставалось мало, все они были собраны с тел павших товарищей. В дальних туннелях старик Лэй со своими бойцами свозил оружие и патроны, отнятые у убитых гунцзы, включая даже 30-мм автоматическую пушку, которую танкисты сняли с бронемашины врага с оторванной гусеницей. Но я толком не умел всем этим пользоваться. Диоптрический прицел винтовки M16 не годился для быстрой стрельбы на коротке, со своим родным оружием споруди, мол, было куда проще.

Закинув на спину плетеную сумку, я подошел к повороту у выхода из туннеля на поверхность, ожидая окончания заградительного огня 155-мм вражеской артиллерии, чтобы выбраться наружу для установки мин.

Первый же долетевший 155-мм осколочно-фугасный снаряд разорвался на поверхности позиции в десятке метров от меня, а затем десятки других снарядов засыпали пространство спереди, сзади и по бокам.

Вся земля зашлась в судорожном трепете и стоне, грубо терзая мое сердце.

Хотя спиной я прижимался к прочной железобетонной стене толщиной больше метра, я все равно отчетливо ощущал яростную тряску туннеля, а сверху на матерчатый чехол каски то и дело сыпались крошки обрушивающегося бетона.

Если доводилось наблюдать подобное лишь на страницах романов, в кино или по телевизору, то проникнуться этим невозможно — нужно самому оказаться в норе и прочувствовать на собственной шкуре этот содрогающий голову гул разрывов.

В первый раз пережив обстрел тяжелой артиллерии в подземном ходе, я чуть не сошел с ума. Зажав уши руками и забившись в самый низ туннеля, я запомнил это невыносимое чувство, от

которого негде укрыться, на всю оставшуюся жизнь.

Едкие клубы порохового дыма несло в укрытие сквозняком, выбитая снарядами земля и куски бетона с брезгливым стуком били в противоположную стену туннеля и осыпались рядом со мной, так что под ногами быстро намело толстый слой свежей пыли.

Я опустил голову и попытался немного передохнуть, надвинув шлем и затыкая уши висевшими на ремешке берушами, стараясь поменьше обращать внимания на вражескую канонаду.

— Какая у тебя, паршивец, удачливость! Почему в пехоту не пошел? — неизменно рычал на меня старик Лэй, когда раз за разом видел, как новые товарищи падают один за другим, а стоящий в двух шагах я оставался целым и невредимым.

На войне бывает всякое.

Я поскреб длинную растрепанную щетину на лице и горько усмехнулся. Вообще-то старик Лэй был совсем молодым, ему едва исполнилось двадцать три, но он прошел через три месяца самых настоящих жестоких боев и считался ветераном нашей позиции.

Наконец вражеский обстрел прекратился.

Оставив автомат в стороне, сорвав беруши и нацепив оставленный стариком Лэем прибор ночного видения с подсветкой, я вытащил из плетеной сумки цилиндрическую мину весом добрых тридцать цзиней, обвитую проводами, вылез из укрытия и, согнувшись в три погибели, пополз по траншее к передовой — туда, где предположительно должны были пройти вражеские танки.

В окуляре ПНВ зеленым светом отливал пологий склон с равнинными участками по бокам. До передового наблюдательного пункта отсюда было метров двести — идеальное место для танков гунцзы, чтобы вести огонь на подавление. Мы со стариком Лэем заметили эту точку еще сегодня до полудня, но все никак не удавалось устроить здесь врагу сюрприз.

Осторожно и быстро дотавившись до гребня склона, я снял мину с предохранителя и осторожно с помощью проводов плавно опустил ее на самое дно.

Будда, защити!

Молча взмолился я про себя, а сам тем временем стремительно попятился назад, вглубь окопа.

Здесь малейшее замешательство в действиях могло быть засечено вражеским миллиметровым полевым радаром, после чего последовал бы массированный удар из орудий бронемашины или по душу бы явился притаившийся снайпер.

Хотя я все еще влачил жалкое существование, верить в то, что удача будет сопутствовать мне вечно, я не собирался.

Небосвод сделался еще чернее, непроглядный пороховой дым сожрал все, что способно излучать хоть какой-то свет. А солнце и вовсе забилося глубоко под землю, даже не пытаясь бросить на эти места хотя бы один взгляд.

Солдаты обороны обожали во время вражеских обстрелов шумно палить старые покрышки и прочий скарб, способный давать густой дым, чтобы хоть как-то компенсировать нехватку инженерных средств маскировки. После нескольких дней непрерывных боев сжигать здесь было уже почти нечего, и в большинстве случаев приходилось полагаться лишь на собственные жизни.

Шагая наугад и спотыкаясь, я вернулся на исходную. Последнюю противотанковую мину я сунул в нишу на повороте стены в глубине туннеля, взял автомат, подхватил плетеную сумку и с трудом, боком, двинулся по ходу сообщения в правую часть позиции.

Большинство участков туннелей были невероятно тесными — протиснуться там мог лишь один человек, согнувшись в три погибели и двигаясь боком, да к тому же поминутно опасаясь обвалов.

В густом ночном небе то и дело прочерчивали черту трассеры крупнокалиберных автоматических пушек, которыми враг вел огонь вслепую. Миновав исковерканный до неузнаваемости окоп для борьбы с пехотой, я разложил дымовые гранаты из сумки у выходов из нескольких укрытий и нырнул в подземное сооружение. В этом наблюдательном пункте сохранился старый инфракрасный перископ, через который я мог хотя бы приблизительно отслеживать действия неприятеля. К тому же на этом отрезке туннеля я получал возможность вести огонь по пехоте противника из нескольких выходов, отвлекая бронетехнику неприятеля.

Все эти необходимые меры маскировки и прикрытия повторялись перед каждым боем с упрямым постоянством — только так удавалось хоть немного повысить шансы на выживание.

Долго всматриваясь в окуляр перископа, я наконец различил в темноте смутные силуэты вражеских боевых машин.

— Мать твою, штук пятнадцать наберется! — мысленно прикинул я.

Враг подбирался все ближе.

Наступающий по всему фронту противник развернул боевые порядки шириной в несколько километров и неуклонно приближался. Дымовые снаряды начали рваться один за другим, видимость на поле боя стремительно падала. И без того кромешная тьма ночи стала еще мрачнее и зловеще, и в объективе прибора ночного видения я видел лишь призрачные огни от трассеров, которыми бронетехника врага то и дело поджигала наши позиции.

Судя по положению стволов вражеских танков, гунцзы готовились высаживать пехоту. Противник действовал осторожно: обычно пехота спешила за пять-шесть сотен метров до нашей передовой линии, чтобы не быть уничтоженной нашими противотанковыми ракетами всех разом.

Пока я все еще терпеливо высматривал бронированные цели неприятеля, из укрытий в центре нашей позиции раздался пронзительный свист раскаленной реактивной струи, вырывавшейся из пусковых установок ракет. Сразу за этим в поле моего зрения взметнулось множество ослепительных хвостиков пламени, прочертивших вереницу ярких траекторий.

Залп плотным пакетом огласил пространство громким реем, и ракеты молниеносами ворвались в ряды неприятеля — мощные взрывы превратили огромный участок земли в сотнях метров от нас в настоящее море огня.

Как это они запустили ракеты?

Пока я пребывал в полном недоумении относительно того, каким странным способом новоприбывшие бойцы умудрились забросить ракеты прямо в ряды гунцзы, враг уже спешно откатывался назад. Танки палили куда глаза глядят, а боевые машины пехоты поливали наши позиции дождем из малокалиберных снарядов.

Такая стрельба в белый свет как в копеечку была чистой воды расточительностью боеприпасов.

Похоже, на подготовку следующего наступления у гунцзы уйдет немало времени.

К этому моменту войны силы врага тоже оказались изрядно подорваны. Наша армия восстановила часть возможностей радиоэлектронной подавляющей борьбы, раз за разом снижая точность ударов противника в глубине нашей обороны. Это мешало осаждающим войскам должным образом координировать управление и использовать дальнобойную огневую поддержку в полную силу.

<http://bllate.org/book/21115/2142665>